

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ
Начало

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Иллюстрация на переплете — *Иван Хивренко*

Круз, Андрей.

К84 Эпоха Мертвых. Начало / Андрей Круз. — Москва : Эксмо, 2024. — 608 с. — (Боевая фантастика Андрея Круза).

ISBN 978-5-04-195907-4

В результате теракта из российско-американской микробиологической лаборатории вырвался вирус, который был создан для борьбы с неизлечимыми заболеваниями и смертоносными эпидемиями. Руководил лабораторией известный российский ученый Владимир Дегтярев, а в подготовке теракта участвовала его дочь, экоактивистка Ксения. Девушка освободила животных, которые тут же разнесли по городу самый опасный вирус, который знало человечество.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195907-4

© Круз А., текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Этот весенний день ничем не отличался от других. Середина марта, самое начало весны. Разве что весна была необычно теплой, и снег, и без того не слишком обильный, совсем стаял. Еще не зазеленевшие газоны расплылись грязью, лужи растеклись по тротуарам от бордюра до бордюра, вынуждая прохожих искать обходные пути, но весна пришла, она витала в воздухе, и люди, уставшие от мерзкой в последние годы московской зимы, ждали тепла. В общем, весна как весна — предчувствие лучшего, обновление жизни. Отличался этот день лишь одним: он стал последним в череде неспешного течения себе подобных. Еще никто ничего не знал, еще ехали машины по улицам города, еще спешили люди по своим делам. Еще даже ничего не успело случиться, но все сущее, весь мировой уклад жизни уже начал разгоняться под гору, к тому последнему трамплину, откуда лишь один путь — во тьму.

К Смерти.

Сестры Дегтяревы

19 марта, понедельник, день

Старшую сестру звали Ксенией, ей было девятнадцать. Высокая, темноволосая и темноглазая, она не была похожа ни на мать, ни на отца, зато удивительно напоминала портреты своей прабабки по материнской линии, актрисы Театра Станиславского, игравшей почти все главные роли в военные и послевоенные годы, вплоть до своей трагической гибели в авиакатастрофе в 1962 году. Ксения училась в МГУ на факультете журналистики, куда попала почти исключительно благодаря способностям, совсем незначительной помощи своего дяди и редкой красоте, от которой млели и таяли мужчины-экзаменаторы. А невинность в глазах и нежный голос располагали к ней экзаменаторов-женщин, даже обладавших самыми черствыми сердцами.

Училась она на отделении тележурналистики, мечтая в будущем создавать репортажи в защиту животных, природы и еще чего-нибудь, заставляющие рыдать зрителей. Всякое зверье она любила безумно, и эта любовь не раз приводила к самым горьким последствиям. Принесенные кошки съедали птичек и вылавливали рыбок из аквариума. Спасенные собаки конфликтовали с кошками и время от времени устраивали погромы в квартире. Животные затем передавались в хорошие руки, чтобы освободить место следующим спасенным.

Впрочем, в последние месяцы в квартире установилось шаткое равновесие — новый аквариум затруднял коту лов

рыбы, а хомячков было решено не покупать больше, чтобы не откармливать эту огромную пушистую черную тварь с мрачными желтыми глазами. Между собакой — помесью кавказской овчарки и еще неизвестно кого — и котом установилось некое перемирие, основанное на незлобивом характере первой и чудовищной наглости и хитрости второго. Короче говоря, коту удалось приспособить окружающую среду к своим взглядам на жизнь.

Сейчас Ксения «агитировала за советскую власть», по выражению своей матери. Речь была адресована сестре младшей, шестнадцатилетней школьнице Ане, которая животных любила, но в журналисты не рвалась, а ее жизненные планы сводились лишь к победе в большинстве кубков «Большого шлема» и дальнейшему заселению своими портретами всех таблоидов мира. Для этого она пять раз в неделю проводила по три часа в теннисной школе в Новой Олимпийской деревне, активно и старательно вбивая желтые мячики в покрытие корта. Кроме того, каждый день немного времени посвящала школьным домашним заданиям и очень много времени — стоянию голышом в ванной перед зеркалом с фотографиями Курниковой и Шараповой на туалетном столике. Каждый раз, признавая, что фигура у нее не хуже, чем у Курниковой, а лицо не хуже, чем у Шараповой, она в целом приходила к выводу, что объединила в себе достоинства обеих и место на первых страницах журналов светской хроники лучше бронировать уже сейчас. Аня, лицом неуловимо напоминавшая как мать, так и отца, была натуральной блондинкой, среднего роста и со спортивной фигуркой.

Сестры пили чай, сидя перед барной стойкой в просторной кухне, сверкающей нержавеющей сталью, что делало ее похожей то ли на морг из американского детективного кино, то ли на командный пост звездолета из старой советской фантастики.

В эту квартиру семья Дегтяревых вселилась всего несколько месяцев назад, переехав из типовой панельной многоэтажки на Мичуринском проспекте. Отец сестер,

Владимир Сергеевич, был известным в академических кругах вирусологом и половину своей трудовой карьеры провел в экспедициях, в охоте на особо редкие и особо пакостные виды заразы. Опубликовал Владимир Сергеевич немало статей и монографий, что принесло ему много славы в научных кругах и очень мало денег.

Однако несколько лет назад ему повезло. Группа, которую он возглавлял, вошла в состав смешанной российско-американской команды вирусологов. Американцы получили грант от какого-то американского же фонда, обретающегося при Центре контроля за инфекционными заболеваниями в Атланте. В результате Владимир Сергеевич отправился в экспедицию не куда-нибудь, а сначала в Австралию, а потом на Гаити. Вернулся он оттуда почерневшим от загара и с новой темой для работы, в которую погрузился с головой. И сразу же вслед за этим последовало приглашение возглавить исследовательскую группу в России, работающую по этой программе. Владимир Сергеевич думал недолго, особенно когда ему рассказали о зарплате, бонусах и иных возможностях, которые позволяли поднять уровень жизни семьи на невиданную ранее высоту.

Впрочем, чуть позднее выяснилось, что настоящим местом работы Владимира Сергеевича оказалась небезызвестная компания «Фармкор», принадлежащая не менее небезызвестному Александру Бурко — большому олигарху с наклонностями слона в посудной лавке. Именно он финансировал фонд, даром что тот американский, а сам Бурко на сто процентов наш, посконный, из-под родных осин.

Таким образом, Владимир Сергеевич въехал со своими сотрудниками в двухэтажное здание по Автопроездной улице, которое в былые времена было лабораторным корпусом одного из московских автозаводов. После того как завод пришел в упадок, немалую часть его территории раскупили другие компании, и немалый кусок отхватила некая компания «Химпродукт» — одна из бесчисленных «дочек» «Фармкара».

Место было уединенным. Въезд на него был сложным, через территорию завода, хотя сам двор примыкал к Автопроездной улице, и при желании и небольших усилиях вполне можно было организовать отдельную проходную.

Затем на новой территории появился бывший сотрудник Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, известной еще как ФСИН, некто Оверчук Андрей Васильевич — среднего роста, плотный, с незапоминающимся лицом, но при этом наглый как танк. В настоящее время бывший «кум» Оверчук числился в рядах службы безопасности концерна «Фармкор» и занимал там отнюдь не рядовую должность. Его трудами влачившие жалкое существование дедки-вахтеры сменились на рослых ребят в черной полувоенной форме, с пистолетами и телескопическими дубинками на поясе и с самозарядными дробовиками за плечом. Затем территорию филиала заповолили рабочие, туда потянулись грузовики с оборудованием, и через шесть месяцев бывший лабораторный корпус завода, построенный из серых бетонных блоков, посеревших под дождями, и навевавший уныние своей убогостью, преобразился во вполне современное с виду здание с поляризованными стеклами в окнах и с еще более современной начинкой внутри.

Если сказать проще — такой лаборатории у Владимира Сергеевича до сего момента еще не было. Омрачало его работу там лишь регулярное присутствие Оверчука, которого Владимир Сергеевич не переносил даже на дух, подозревая в нем глубокую душевную мерзость. Впрочем, Оверчук и сам на глаза Дегтяреву не лез, появляясь на территории лаборатории не чаще чем пару раз в неделю и ненадолго, лишь приглядывая за ней вполглаза. У него и других дел хватало. Так что рабочий процесс последние несколько лет шел спокойно.

Еще смущало то, что частная компания взялась за работу с малоизученными вирусами в черте города, не ставя, естественно, об этом никого в известность. Владимир Сер-

геевич знал, с какими мерами предосторожности работают те же военные биологи — его однокашник Кирилл Гордеев возглавлял такую закрытую военную лабораторию по разработке вакцин. Здесь ничего похожего на их меры безопасности не наблюдалось. Сам Оверчук уверял, что залог безопасности — привлекать как можно меньше внимания. Впрочем, работать с опасными культурами здесь тоже никто не собирался, так что слишком сильно об этом Дегтярев не задумывался. К тому же «Фармкор» единым махом подписал контракт с Владимиром Сергеевичем чуть ли не на пожизненную занятость, положил ему поистине царскую зарплату, а недавно посодействовал с получением льготного, почти беспроцентного кредита на покупку квартиры.

В результате семья Дегтяревых въехала в новенький, если и не элитный, то вполне соответствующий понятию «бизнес-класс», дом неподалеку от метро «Университет», а старая их квартира была довольно удачно продана, обеспечив маму сестер, Алину Александровну, свободными средствами на покупку мебели. Казалось, наступило благоденствие.

Однако та пылкая речь, которую сейчас произносила Ксения перед младшей сестрой, не была хвалой Дегтяреву-отцу за их улучшившуюся жизнь. Ксения открыла, что вирусологи проводят опыты на животных. Не то чтобы она не знала этого раньше, но Владимир Сергеевич больше работал «в поле», и заражали животных его коллеги. Теперь же Владимир Сергеевич стал работать в лаборатории. И однажды вечером старшая дочь задала ему как бы между делом вопрос:

— Па, а вы каких животных используете? Ну, в смысле для опытов?

Погруженный в свои мысли Дегтярев, даже не осознав истинного смысла вопроса, машинально ответил, что, естественно, полный набор — от крыс до обезьян. Разговор развития не получил, но Ксения мгновенно заклемила родителя как «живодера» и «вивисектора». К тому же она имела неосторожность поделиться новым знанием со сво-

ими друзьями с факультета, по разным причинам разделявшими ее взгляды на проблему защиты прав животных. В результате вокруг Ксении образовался эдакий круг единомышленников, который не давал утихнуть страстям вокруг «живодерства» Владимира Сергеевича.

Ксения даже почти перестала разговаривать с отцом, за исключением тех случаев, когда ей нужны были деньги, в которых мать ее ограничивала. Но Владимир Сергеевич, трудоголик в тяжелой стадии этого уважаемого заболевания, судя по его поведению, этого даже и не заметил, тем самым лишая дочь возможности ответить ему гневной отповедью на вопрос: «Ксенечка, а что случилось?» Теперь в роли папиного адвоката выступала сестра.

— Как ты можешь его оправдывать? Он ставит опыты на животных! Ты это понимаешь? Это все равно как если бы он ставил опыты на Барсике или на Мишке! — Так звали кота и собаку. — Их ты любишь? Ведь любишь? Ты бы отдала их папочке, чтобы он заразил их какой-нибудь чумой и смотрел, что из этого получится?

— Во-первых, отец их сам любит. Барсик вообще у него на подушке спит. Не у тебя, а у него, кстати. Во-вторых, тебе известен какой-нибудь другой способ испытывать лекарства? Насколько я слышала, такого еще не придумали...

— Вот пусть и занимаются сначала изобретением способа, а потом своими диссертациями!

Аня хмыкнула:

— Мне кажется, отец защитил все возможные диссертации уже лет десять назад. Или больше?

— Значит, помогает другим защищать, своим подельникам!

— А ты хоть знаешь, чем они занимаются?

— Не знаю и знать не хочу! — отмахнулась Ксения. — Мне достаточно того, что они мучают животных в своей лаборатории.

Аня пожала плечами, как будто говоря: «Что с дураками разговаривать», но все же сказала:

— Насколько я знаю, они занимаются возможностью сохранения организма в длительных космических полетах без замораживания. И вообще выживанием в экстремальных условиях. Типа попал в Антарктиду — замерз. Перевезли тебя в тепло — сам отмерз и дальше пошел. Еще куда-то попал — и опять с тобой ни фига не случилось. Что-то отключилось в организме, а потом включилось, когда надо.

Ксения фыркнула и уставилась на сестру, уперев руки в бока.

— И откуда же ты этого набралась, Курникова? Тренер рассказал?

— Я в записи отца посмотрела, — невозмутимо ответила сестра. — Они у него все на столе лежат. Он статью или книгу пишет о своей работе. Возьми сама и почитай.

— И ты хочешь сказать, что все поняла? У тебя по биологии что в полугодии было? — добавив в голос столько сарказма, сколько получилось, спросила Ксения.

— Я вступление поняла, — пожала плечами Аня. — Хочешь понять остальное — читай сама, ты — умная, ты — отличница, про защиту животных скоро в телевизор попадешь. Вот иди в таком случае — и читай. Типа журналистское расследование.

— Откуда к тебе это «типа» прицепилось? — съехидничала Ксения. — От твоих дружков-спортсменов дебильных?

— Нет, из книжек, которые выпускники журфака пишут. Кстати, что такое «фак», я знаю. А вот «жур» что значит? — с притворной заинтересованностью спросила Аня.

— Ты до этого пока не доросла.

— Ну не доросла, так не доросла, — легко согласилась младшая. — Мне пора.

Аня вышла из кухни, подхватила с пола в прихожей свою теннисную сумку, согнав с нее разомлевшего кота, и вышла в холл. Когда она подошла к двери, зазвонил телефон связи с охраной. Аня проигнорировала звонок, лишь обернулась вглубь квартиры и крикнула:

— Отличница! Остальные защитники прав крыс к тебе пожаловали! — и вышла за дверь.

С «защитниками» она столкнулась, выходя из лифта. «Защитников» было четверо — одна девушка и трое ребят. Девушка Маргарита и двое ребят учились с Ксенией на одном отделении факультета журналистики. Третьим был старший брат Маргариты — Семен. Впрочем, маленький и тщедушный Семен в очках в толстой квадратной пластиковой оправе, как у музыканта Моби, совершенно не шедшей к его худому остренькому личику, выглядел намного младше своей сестры. Маргарита была полновата, к тому же неудачно полновата — целлюлитные бедра образовывали «уши», которые она пыталась затолкать в слишком тесные черные брюки. Брюки «уши» не уменьшали, а, наоборот, подчеркивали, к тому же жирноватые Маргаритины бока вываливались из тесного пояса и свисали, как взошедшее тесто из квашни.

Сама Маргарита почему-то считала себя богемной особой, тяготела к «готическому» стилю, поэтому красила волосы в радикально-черный цвет с ярко-красными прядями и носила похоронно-черный мейкап, который, вкупе с длинным носом и черными же глазами навывкате, делал ее образ просто пугающим. На факультет журналистики она попала стараниями своего папы, который вел все финансовые дела одного из центральных каналов телевидения.

Семен уже заканчивал Бауманку и был очень способным программистом. Однако применять свой несомненный талант в мирных целях ему было скучно, и однажды он настолько удачно блеснул способностями, что только благодаря вездесущему папе ему удалось миновать суд и тюрьму — гибралтарский филиал голландского банка жаждал крови и человеческих жертвоприношений.

Двое других ребят были отпрысками потомственных телевизионных семей. Дима, высокий, слегка косящий и рано лысеющий, был внуком известного в советские времена международного комментатора, а Игорь — сыном продюсера музыкального канала. В общем, вся эта компа-

ния образовалась из-за того, что Игорь — темноволосый, смазливый и избалованный девичьим вниманием — решил добиться благосклонности Ксении.

В отличие от остальных девушек Игорь Ксения не рухнула без сил перед его напором. Ксения была слишком погружена в себя и слишком себя же любила для этого. Поэтому к ухажерам она относилась несколько пренебрежительно и — пожалуй, можно сказать и так — деспотично. Не всегда даже замечая факт их наличия. В результате Игорь взялся защищать животных и окружающую среду, о судьбе которых никогда в жизни не задумывался, его друг Дима присоединился к ним потому, что он всегда присоединялся к Игорю, Маргарита числила себя подружкой Димы, и все бы осталось на уровне кухонных разговоров, если бы не Семен.

Несмотря на мирную профессию программиста, в душе Семен был пассионарием и готов был посвящать все свое время любой форме политической активности: защите ли прав животных, борьбе за социальную справедливость, истреблению ли животных и борьбе против любой формы социальной справедливости — лишь бы это пахло заговором и давало ему ощущение собственной исключительности и причастности к чему-нибудь эдакому. Поэтому, после того как Семен вошел в их круг, мысли «защитников» начали принимать довольно конкретное и уже опасное направление.

Вся компания «заговорщиков», пропустив Аню и поздоровавшись с ней, поднялась на лифте на восьмой этаж и вышла в холл. Ксения уже ждала их у открытой двери. Расцеловавшись с ней, то есть дважды чмокая воздух возле щеки, как вдруг стало принято после показа рекламного ролика спрайта по телевизору, молодежь зашла в квартиру.

— Чай, кофе кто будет? — спросила Ксения.

Все захотели кофе. Ксения ушла на кухню, и было слышно, как там зажужжала кофемолка. По квартире потянуло ароматом хорошего свежемолотого кофе.

Владимир Сергеевич Дегтярев,
профессор

19 марта, понедельник, день

Владимир Сергеевич Дегтярев стоял в лаборатории перед двойной стеной из толстого ударостойкого стекла, обрамленного металлом. С Дегтяревым были еще двое. Один молод, высок, худ, жилист и слегка сутуловат, стрижен почти наголо. Второй, наоборот, немолод, небольшого роста, в очках без оправы. Свои седоватые редяющие волосы он зачесывал назад.

Высокого звали Сергеем Крамцовым, был он аспирантом, а Дегтярев — его научным руководителем. Вторым был американец из института, принадлежащего американской же фармацевтической компании «Ай-Би-Эф», доктор Биллитон. Он приехал поработать с Дегтяревым два месяца назад, и занимались они тем, что сводили воедино результаты, достигнутые в своих странах двумя командами ученых. Он неплохо говорил по-русски, а Дегтярев сносно объяснялся по-английски, так что обходились без переводчиков.

Сейчас они пришли в виварий «на ЧП», и вид у всех троих был весьма озадаченный. За стеклянными стенами в несколько ярусов выстроились стеллажи с большими проволочными клетками. Стеллажи разделялись стенами на отсеки. В некоторых отсеках было пусто, а в некоторых в клетках сидели зеленые маргышки, привезенные из Африки. В первом слева отсеке был разгром и беспорядок. Одна из клеток была открыта, другая еще и сброшена на пол. Дверца ее распахнулась, в самой клетке обезьяны не было, зато пол под решетчатой стенкой залит кровью, и в багровой, быстро густеющей липкой луже плавали клочки шерсти и еще какие-то куски.

Одна из обезьян, с вымазанной запекшейся кровью мордой, сидела на полу неподалеку и равномерно покачивалась взад и вперед, как китайский болванчик. Вторая сидела на перевернутой клетке, но не вся. В смысле сидела она

вся, но у нее на одной из рук не было ни единого клочка мяса или шерсти, и кое-как скрепленные друг с другом кости висели плетью. Еще у нее отсутствовала часть лица на черепе, точнее, вся левая его половина, которая была тщательно обгрызена с костей. Обезьяна сидела молча и совершенно неподвижно, и было видно, что подобные жуткие, скорее всего, даже смертельные раны ее совсем не беспокоят, словно и не случилось ничего.

— Так все же что произошло? — спросил Владимир Сергеевич Крамцова.

— Замки на этих клетках плохие, я уже несколько раз говорил, — ответил аспирант. — Открываются самопроизвольно. Рано или поздно все обезьяны разбегутся.

— С замками понятно, их на следующей неделе все заменят, но что именно случилось?

Крамцов кивнул на ряд компьютерных мониторов, стоящих на столе:

— Посмотрите все в записи, а если кратко... В этом отсеке всего две обезьяны, обе были инфицированы. Сидят они уже больше месяца, чувствуют себя прекрасно.

— Это те самые, которые ВИЧ-инфицированные, — повернулся Дегтярев к Биллиту. — Мы пытались вытеснить ВИЧ нашей «шестеркой».

— И что получается?

— Получается, что мы побеждаем СПИД. И не только СПИД. Все гепатиты, например, даже банальный грипп. Любые вирусные заболевания. Наш вирус не терпит вообще никаких конкурентов, особенно тех, которые вредят носителю. Если удастся довести «шестерку» до стабильного уровня, то можем ехать в Стокгольм заранее и ждать Нобелевские премии уже там. Ну и господин Бурко станет богаче раз в десять еще. Или в сто. Извини, Сережа, и что дальше?

Крамцов кивнул и продолжил:

— Я услышал шум, вбежал в лабораторию. Одна из обезьян сумела открыть клетку, начала прыгать по отсеку, открыла вторую клетку, а затем повисла на ее открытой

двери. Вторая обезьяна тоже начала беситься, и вдвоем они раскачали клетку и уронили ее с полки так, что клетка убила обезьяну, висящую на дверце. Ее рука застряла в решетке, обезьяна не смогла увернуться, и клетка упала на нее, проломила ей грудную клетку. Если она к вам повернется другим боком, вы увидите, какая у нее рана. Все ребра сломаны, и наверняка проткнуты легкие. Вторая обезьяна испугалась и забилась в дальний угол отсека. Пока я надевал на себя защиту, намереваясь войти внутрь и навести порядок, обезьяна, которую я считал мертвой, вдруг зашевелилась.

Попутно Крамцов отматывал на экране компьютера до нужного места черно-белый ролик, снятый камерой слежения.

— Вот, смотрите с этого места.

На одном из экранов появилось изображение стоящего у стеклянной стены Крамцова в белом комбинезоне, но без шлема, на втором и третьем экранах можно было наблюдать за отсеком изнутри. Действительно, придавленная обезьяна неожиданно зашевелилась, выбралась из-под клетки, села и замерла в неподвижности. У второй мартышки она вызвала любопытство. Та медленно приблизилась к неожиданно воскресшей товарке. Но вплотную не подошла, как будто что-то удерживало ее на расстоянии. Вся ее поза выражала неуверенность. Воскресшая поначалу не реагировала на ее приближение, даже не смотрела в ту сторону. Так прошло около трех минут. Затем воскресшая молча, не издавая никаких звуков и не делая никаких предупредительных и угрожающих жестов, бросилась на вторую, вцепилась в нее, опрокинула на пол. Последовала недолгая возня, затем атакованная прекратила дергаться и растянулась на полу, а воскресшая уселась рядом с ней, схватив за руку.

— Это... это что она делает? — спросил Биллитон.

— Она ее убила и теперь ест, — ответил Крамцов.

— С ума сойти, — словно не веря своим глазам, помотал головой американец. — Почему? В наших матери-

алах никогда не упоминались случаи немотивированной агрессии или каннибализма. А эти мартышки вообще травоядные.

— Наши материалы — это или полевые наблюдения за людьми, или опыты на крысах, — пожал плечами Крамцов. — Может быть, вирус мутировал, а может быть, это воздействие непосредственно на психику обезьяны. А агрессия очень даже мотивированная, как мне кажется — ради пищи. Какой мотив еще нужен? Вот, вот, смотрите! Вот самое главное!

Он постучал ногтем по экрану монитора. Там происходило нечто удивительное. Одна обезьяна продолжала объедать мясо с руки второй, а вторая, мертвая к тому времени, зашевелилась.

— Видите?

Обезьяна-убийца неожиданно бросила свою жертву и отошла в сторону, сев на пол и делая глотательные движения. Вторая обезьяна тоже села и замерла. Затем начала раскачиваться вперед-назад.

— Так они и сидят уже больше часа. Ничего не изменилось. Судя по всему, обе мертвы. Тепловизор показывает, что их тела продолжают остывать, — подвел итог Крамцов.

— И что у нас получается? Вирус работает, но не совсем в том направлении, что мы рассчитывали? — спросил Биллитон.

— Похоже на то, — ответил за аспиранта Дегтярев. — Обе были живы, несмотря на инфекцию. Были абсолютно здоровы с виду, пока одна из них не погибла в результате несчастного случая. И тут мы видим подтверждение австралийских и гаитянских басен — мертвая обезьяна «восстала из гроба», причем классически, чтобы «питаться от живых». Хотя даже у аборигенов агрессия фактами не подтверждалась, только в сказках. Как это получилось?

— Портальное сердце, скорее всего, как мы и предполагали раньше. А вообще надо их поймать. И заглянуть внутрь, — сказал Крамцов.

Биллитон внимательно посмотрел на него:

— Вы понимаете, насколько осторожным следует быть?

— Я понимаю, — кивнул Крамцов. — И я не намерен ловить обезьян в одиночку, привлеку лаборантов, надею защиту. Кстати, я трижды выпускал усыпляющий газ в этот отсек — никакого эффекта. Похоже, что они совсем не дышат. Я даже проверил его действие в другом отсеке, с неинфицированными обезьянами, но там все сработало. Животные уснули через три минуты. А этим газ безразличен.

— Да, интересно, — вздохнул Биллитон. — Что-то подобное мы предполагали, но совсем не в таком виде и не с таким эффектом. Теперь нам надо будет разобраться, что из этого следует и как это повернуть к вящей пользе человечества. У нас есть еще инфицированные экземпляры?

— Нет, но это несложно сделать, — усмехнулся Крамцов. — Инфицируем. И лучше начнем с крыс, обезьян мало.

«Террористы»

19 марта, понедельник

— Сем, а ты уверен, что твоя бомба никого не убьет? — спросила Маргарита у брата. — Это ведь не базы данных в банках ломать, тебя папашка тогда не спасет.

Семен отрицательно мотнул головой:

— Я все измерил. Шаг бетонных плит в заборе соответствует окнам в стене здания почти стопроцентно. Пятая плита слева — как раз напротив первого окна слева в цокольном этаже. Ночью там никого не остается, окна полуподвальные. Два охранника находятся в главном корпусе, и еще один на проходной.

— А может быть, там в ночную смену кто-то работает? — снова спросила сестра.

Чем ближе к делу, тем меньше ей нравилась вся эта затея. На стадии планирования все выглядело увлекательно, но чем ближе подходило к осуществлению, тем страшнее

ей становилось. Семену же было все равно, он видел перед собой лишь очередную цель и шел к ней напролом.

— Я же считал, сколько людей приходит, сколько уходит, — даже чуть возмутился брат. — В окнах цокольного этажа и свет не горит, только дежурная подсветка. Я видеокамеру на палке через забор поднял, все снял. Ошибки быть не может. И Ксения там была, ходила к папе на работу, заглядывала в окно. Сказала, что там какая-то аппаратура и компьютеры. И, похоже, электрощит. Если все это разломать, то они долго восстанавливаться будут. И взорвется бомба даже не в здании, а снаружи. Стекла вылетят, компьютеры поломают, ущерб нанесем, и все. А то, что Ксенька предлагает, — это невозможно, мы даже во двор здания не попадем.

— Зато мы могли бы попытаться выпустить животных, а так мы можем их убить.

Говорилось это в робкой надежде, что весь зловещий план просто обратится в шутку. И все пойдут домой.

— Клетки совсем в другом месте стоят, ты же сама говорила, — слегка возмутился Семен.

— Бомба есть бомба!

— Да что ты несешь? — аж подскочил на стуле брат. — Какая это бомба? Хлопушка, из селитры с соляной. Даже осколков не дает. Ничего не может случиться, она скорей тогда забор уронит, чем стену здания повредит.

«Защитники животных» решили перейти к активным действиям. Как всегда бывает в подобных компаниях, одержимых радикальными идеями борьбы за какую-нибудь благородную цель, рано или поздно они делают что-то, о чем потом жалеют или сами, или еще больше жалеет кто-то другой, что бывает гораздо чаще. Каждому хотелось пойти в «борьбе» немного дальше, чем другому, присутствие Семена сыграло роль катализатора, и в конце концов они решились устроить взрыв во дворе НИИ, в котором работал Владимир Сергеевич.

Следует отдать должное «террористам»: они старались изо всех сил избежать жертв, и даже нанесение ущер-